

150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ
Александра Сергеевича
ПУШКИНА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Exegi monumentum.

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.*

*Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.*

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

*Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспоривай глупца.*

*...Клянусь честью,
что ни за что на свете
я не хотел бы переменить
отечество
или иметь другую историю,
кроме истории наших
предков...*

А. С. Пушкин

Д. С. Лихачев,
академик,
лауреат
Государственной премии
СССР

Слово о Пушкине

С Дмитрием Сергеевичем Лихачевым беседует кинорежиссер и журналист Д. Н. Чуковский, автор телевизионного документального фильма «Дома у Пушкина».

— Дмитрий Сергеевич, когда мы с вами работали над фильмом «Дома у Пушкина», а съемки проходили в самый разгар реставрации последней квартиры поэта, то многие сомневались, стоит ли показывать ее в таком, можно сказать, «обнаженном» виде, без мебели, книг, мемориальных вещей.

Д. Лихачев: Мне кажется, что мы тогда получили уникальную возможность увидеть и показать квартиру Пушкина на Мойке в ее обнаженно-доподлинном виде, какой ее никогда больше увидеть не удастся. Перед нами открылись совершенно неожиданные, неизвестные вещи. Нина Ивановна Попова, хранитель дома на Мойке, рассказала об интересных находках, которые были сделаны во время реставрации. Они свидетельствуют и о полуторавековой жизни самого дома и о быте Пушкина и его семьи. Мне кажется, что целый ряд археологических фрагментов — живых свидетелей ушедшей эпохи — надо после реставрации сохранить, ведь замечательно интересно увидеть какие-то детали, будь то кусок старых обоев, неожиданно найденное окно, там, где была глухая стена, или что-то еще.

Здесь встает принципиальная проблема мемориального музея. Ведь можно создать, так сказать, типологический музей. Обставить его мебелью пушкинской поры, театрализовать, декорировать — но это будет музей быта, а не музей Пушкина. Можно, конечно, оставить лишь подлинные вещи, но их немного, и устроителям музея будет очень непросто ограниченными средствами добиться достоверности и дать посетителям материал для раздумий.

Надо найти компромиссное решение, золотую середину. В таком музее, как квартира на Мойке, должны быть, конечно, подлинные вещи, их следует тактично дополнить типологическими предметами, как сделано это с книгами библиотеки поэта (она ведь представлена на Мойке дублями пушкинских книг), и, безусловно, в экспозиции должна присутствовать археология, рассказывающая об истории дома, его судьбе и в послепушкинское время.

— А лично у вас что-нибудь связано с этим самым пушкинским местом Ленинграда.

Д. Лихачев: Конечно, ведь я старый петербуржец. Всю жизнь я живу в этом городе, и это одно из любимых мест моих прогулок. В старости хочется ходить в те места, где

бывал в детстве. Здесь еще до революции и до первой мировой войны я бывал с отцом. По воскресеньям мы ходили смотреть развод караула в Зимнем дворце, смотреть и слушать, потому что караул шел во дворец через ворота (развод совершался во дворе) при оглушительном звуке оркестра. После Дворцовой площади мы шли сюда, к окнам пушкинской квартиры, сюда часто приводили детей, здесь не было еще ни музея, ни памятной доски.

Но все петербуржцы знали, что тут умер Пушкин. И приводили детей посмотреть на окна этой квартиры.

Я не специалист по жизни и творчеству Пушкина, моих знаний о Пушкине не больше, чем у любого русского человека, моя специальность — древнерусская литература, но постоянно возвращаюсь мыслями к Пушкину, постоянно тянет прийти сюда. Я помню, как в доме на Мойке уже в 30-е годы, когда я начал работать в Институте русской литературы, здесь было уже несколько музейных комнат и появился замечательный музейный организатор, Борис Валентинович Шапошников. Он был директором нашего музея в Институте русской литературы и здесь на Мойке работал по созданию музея-квартиры Пушкина.

Мне кажется, что он обладал абсолютным музейным чутьем, как люди обладают абсолютным слухом в музыке. Это был совершенно замечательный человек по своему вкусу, именно музейному вкусу, по умению делать экспозиции, создавать музеи.

Потом наступили дни Великой Отечественной войны. Осенью 1941 года в Мойку, рядом с квартирой Пушкина, попала бомба. Набережная дала трещины, дом был под угрозой, и мы, сотрудники Института русской литературы, пришли сюда, чтобы спасти вещи, экспонаты, мебель. Я тащил со всеми диван — это я очень ясно помню. Потом с трудом достали грузовик, чтобы перевезти вещи в Пушкинский дом. Так что и я, совсем немного, но причастен к судьбе музея на Мойке.

— Ведь этот район Ленинграда можно считать как бы Пушкинским. И вид из окна его последней квартиры, быть может, самая достоверная его часть. Здесь буквально все напоено Пушкиным, причастно к его жизни, биографии. Дом Пушкина за углом, дом Аракчеева, а за ним Зимний дворец. А во времена Пушкина Зимний был виден из окон его дома.

Д. Лихачев: Из окон квартиры Пушкина был виден Зимний дворец. Поразительно. На многие размышления может натолкнуть эта, казалось бы, случайность. Дома Аракчеева,

Орест
Кипренский.
Портрет
Александра
Сергеевича
Пушкина

который сейчас закрывает дворец, не было, и Пушкин мог видеть обитель царя. Поэт и царь. Ведь именно Пушкин изменил во многом это соотношение. Положение его предшественников было иным. Они получали высочайшие подарки, дорогие табакерки, перстни, обязаны были писать оды и т. д. А Пушкин ощущал себя независимым. Он высоко ставил дело чести поэта и чувство чести поэзии. Ибо поэт и поэзия неразлучны.

Пушкин осознал свою силу как поэта, а без этого сознания не может быть истинного творчества. Вот к каким мыслям приводит это противостояние Мойки и Зимнего дворца, не в житейском смысле, конечно, а в смысле высоком, духовном.

— Но его вдруг назначают камер-юнкером. Николай Первый решил свести его положение к положению поэта придворного.

Д. Лихачев: Пушкин оскорбился, что его, поэта, царя, низводят до какой-то табели о рангах. Почему царя? Я часто думаю над его строкой: «Ты, царь,— живи один!» Как нужно ее понимать? Поэт ощущал себя царем в царстве литературы. Это поразительно сказано Пушкиным. Осознавая себя царем в одиночестве равным со всеми, он как бы замыкается в своем творчестве, и ощущает себя властителем не подданных, а властителем мира всего, не только поэтического.

Царем над русской историей, в какой-то мере потому, что ведь он же выступает в качестве судьи и судьи над Пугачевым, над Петром, над Борисом Годуновым. Он вершит суд свой. Это совершенно замечательное ощущение себя, как царя духа, одинокого царя, взирающего на Россию, который может сказать словами письма к Чаадаеву, что он никогда не променяет русскую историю ни на какую иную.

Вот почему он оскорбился, а не потому, что перерос возраст камер-юнкера. Бывали они и старыми.

А ведь Пушкин был поэт-пророк. Впрочем, великие поэты России были пророками — и Лермонтов, и Блок.

Именно это и дало Аполлону Григорьеву право сказать, что «Пушкин — это наше все». Будем же всегда помнить эти слова.

— А что, Александрийская колонна была видна из его квартиры?

Д. Лихачев: Видна была с набережной Мойки. Но это неважно. Важно, что Александрийский столп был недалеко. Ведь вы помните, как начинается «Памятник» Пушкина:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа.
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.*

А что такое Александрийский столп? Ведь этого даже многие ленинградцы не знают. Я помню, когда я учился в университете, нам преподавал английский язык мистер Клер, настоящий англичанин, и вот он говорил нам: «У вас нет патриотизма, у вас, у студентов, у русских нет патриотизма. У нас каждый англичанин знает, что такое Нельсонова колонна, и кто там стоит на Нельсоновой колонне, а вы не знаете, в честь чего Александрийский столп воздвигнут».

Мы начинаем гадать. Одни говорят, что в честь взятия Парижа, другие — в честь возвращения русской армии из заграничного похода, и так далее.

Он берет за бока и хохочет. «Вот,— говорит он,— вы же не знаете, сколько букв в русской азбуке, я вас спрашиваю, вы не знали, вы и тут не знаете самой большой достопримечательности в Ленинграде. Ведь даже Нельсонова колонна на одну треть ниже монолита Александрийской колонны. Она самая большая в мире, это самый крупный монолит в мире. Это же памятник императору Александру Первому». А теперь задумаемся в строки Пушкина — значит, памятник поэту, воздвигнутый им, выше памятника императору.

«Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа». Это значит, что поэзия, царство поэзии больше и выше, чем власть императора. И это утверждение свободы духа, которое необходимо царству поэзии. Пушкин осознавал себя национальным поэтом, выразителем народных дум, понимал свое предназначение. Он действительно был пророк, кажется, что он знал будущее. Но несомненно, что полное осознание своего предназначения пришло к нему, когда он занялся русской историей, стал интересоваться отношением народа и государства, народа и царя. Это выразилось и в «Борисе Годунове», и «Капитанской дочке», истории Петра, истории Пугачева — здесь Пушкин выступает и как историограф и как пророк, он остается верен своей концепции поэта-пророка.

— В последнее время нет-нет да поднимаются вновь вопросы, а надо ли углубленно постигать биографии поэтов и писателей? Некоторые критики, журналисты, скажем прямо, более бойкие, чем глубокие, публично заявляют, что исследование личной жизни писателя это лишь «суета у черного хода». Возможно, и не стоило бы даже замечать людей, так утверждающих, если бы не наносили они прямой, осознанный вред нашей культуре — после подобных публикаций испуганные издатели начинают всячески тормозить издания биографий писателей, затрудняется и дело с созданием мемориальных музеев.

Д. Лихачев: Вы затронули чрезвычайно принципиальный вопрос, и я рад, что поднят он именно в связи с Пушкиным. И дело в том, что такие выступления обнажают тревожную тенденцию пренебрежения к биографическому исследовательскому жанру. А это в корне неверно. Ведь поэзия и поэт в новое время неразрывно связаны. Мы удешевляем силу поэзии, когда узнаем жизнь поэта, подробности его биографии. Поэтому так велика читательская потребность в мемуарной литературе, поэтому читатели так интересуются биографией Пушкина, жизнью Лермонтова, всеми обстоятельствами ухода и смерти Л. Толстого, судьбами Достоевского и Блока.

— А почему вы сказали о «новом времени»?

Д. Лихачев: О, в древнее время было совсем по-другому. Я, специалист по древнерусской литературе, точно могу сказать, что тогда произведение жило отдельно от автора, может быть, за исключением «Почтения Владимира Мономаха», которым, кстати сказать, очень интересовался и которое ценил Пуш-

кин, и за исключением «Слова о полку Игореве», которым Пушкин здесь, в этой комнате на Мойке, занимался последние месяцы своей жизни.

Произведения без автора чудная вещь, удивительная. Былины, например, существуют без создателя, их сам народ создал. Но ни «Евгений Онегин», ни «Медный всадник» невозможны без Пушкина. Как невозможны и «Руслан и Людмила», и лицейские стихи. Одно дело читать эти произведения, когда ничего не знаешь о Пушкине, другое дело читать их, когда знаешь жизнь Пушкина, помнишь, в каких обстоятельствах было написано то или иное произведение. Ведь правда же это так — поэт и поэзия связаны. Связаны до сих пор, и любая тень, набрасываемая на поэта, накладывается и на его поэзию. Вот это не всегда все сознают, а между тем это крайне важно, крайне важно, и Пушкин это прекрасно понимал. И потому был так последователен и беспощаден в защите чести своей и Натальи Николаевны. Ведь, защищая себя и жену, он еще и поэзию, и бессмертие свое защищал от циников и пошляков.

— А ведь очень интересно, что почти сразу после женитьбы Пушкин снимает дачу Китаевой, ближайшую к Царскосельским паркам, и приводит туда молодую жену.

Д. Лихачев: И все это он делает с главной целью — рассказать, нет, не рассказать, а показать Наталье Николаевне свою лицейскую юность, свое отрочество, все, что было связано с самыми счастливыми днями его жизни. Он как бы дарит ей время, проведенное в Лицее, знакомит со своими лицейскими товарищами, учителями. Живая память о былом приходила здесь и поэту, и он делился ею с Натальей Николаевной. А память эту составляли природа, памятники, то есть русская история, сливавшаяся с природой, и его личная история, которой было буквально напоено это место.

— Дмитрий Сергеевич, вы в книге «Поэзия садов» неоднократно обращаетесь к имени Пушкина. Но тема «Пушкин и сады Лицея», мне кажется, вас наиболее интересует.

Д. Лихачев: Действительно, это очень важная и очень непростая тема. Ведь лицейская лирика Пушкина своими темами и мотивами тесно связана с царскосельскими садами. И царскосельские сады и лирика Пушкина в значительной мере зависели от общих им поэтических «настроений эпохи», а само пребывание молодого поэта в «садах Лицея» несомненно воздействовало на его лицейскую лирику.

Но вначале скажем, что же это такое «сады Лицея», о которых Пушкин говорит в восьмой главе «Евгения Онегина».

*В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал...*

Даже Владимир Набоков, не говоря уж о других толкователях, не пошел в понимании слов «сады Лицея» дальше, чем определил их как «сады, примыкающие к Лицею». Но в понятии «сады Лицея» есть примечательные оттенки. Ведь сады были непреходящей принадлежностью лицеев и академий, начиная со времен Платона и Аристотеля.

Понимание «садов Лицея» как садов, традиционно связанных с учебными заведениями, садов Аристотеля и Платона — было живо и в представлениях царскосельских лицеев.

И. И. Пущин писал, вспоминая, как его отдавал в лицей его дед: «Старик с лишком восьмидесятилетний хотел непременно сам представить своих внучат, записанных по его просьбе в число кандидатов Лицея, нового заведения, которое самым своим названием поражало публику в России, — не все тогда имели понятие о колоннадах и ротондах в афинских садах, где греческие философы научно беседовали со своими учениками».

— Когда Пушкин говорил «сады Лицея», он, наверное, подразумевал под этим понятием и архитектуру Царского Села?

Д. Лихачев: Следует обратить внимание на то, что Пушкин говорил о «садах Лицея» во множественном числе. Очевидно, что Пушкин не ограничивал территорию «садов Лицея» каким-либо одним садом, а имел в виду все дворцовые сады Царского Села, которые были в ближайшем окружении: Лицейский садик, Старый (или Голландский) сад, пейзажный Екатерининский парк и Александровский. В отдалении к ним примыкал и Павловский парк, поскольку Пушкин бывал в нем и по крайней мере одно из его лицейских стихотворений было непосредственно связано с Павловском: «Принцу Оранскому».

Царскосельские сады были по преимуществу садами голландского барокко и поздней разновидности барокко — рококо. На барочном характере садов Царского Села следует остановиться особо, так как с этим связано особое понимание Пушкиным и его друзьями-лицеистами всего их эмоционального и семантического строя, широко отразившегося в поэзии Пушкина-лицеиста.

Для русского барокко и особенно рококо Растрелли существенное значение имело древнерусское золочение маковок и различных архитектурных деталей. Золото соответствовало той же эстетике барокко: оно давало разнообразные эффекты в зависимости от освещения, было различным в различное время дня, при различной погоде, утром или в закатных лучах, при густой летней листве и редкой осенней, при весенней окраске листвы и осенней, при снеге или дожде. Золото было различным — мокрое от дождя или тумана, сухое при облачном небе и в ветреный день, когда оно беспрерывно менялось от освещения или когда было ровно и спокойно освещено в пасмурный день. Совершенно особых эффектов достигало золото в сочетании с белым снегом: видимое через спокойно падающий снег или как бы движущееся в метели.

Совершенно неправильно представление о том, что золотом достигался только эффект богатства, пышности и «ювелирности» дворца.

По старым фотографиям и по личным впечатлениям я знаю, что даже тогда, когда золота на Екатерининском дворце в Царском Селе уже не было, а капители, базы, карнизы были грубо окрашены в желто-коричневый цвет, созерцание садового фасада дворца через черные полустаростолетние стволы и зелень лип доставляло редкостное эстетическое наслаждение. К сожалению, при «ре-

конструкции» сада липы, даже находившиеся в хорошем состоянии, были спилены, чтобы без особой нужды «раскрыть вид на фасад» (напомню, что противоположный парадный фасад Екатерининского дворца всегда оставался открытым и легко обозримым, следовательно, особой нужды «раскрывать вид» не было).

— «Сады Лицея» — неотъемлемая и драгоценная часть пушкинских памятников под Ленинградом. А как конкретно отразились они в его лирике?

Д. Лихачев: Своим известным словам о «садах Лицея» Пушкин придал несколько иронический характер, указав, что свое образование в них он сочетал с некоторой свободой от школьных требований: «читал охотно Апулея, а Цицерона не читал». То же соединение «школы» с образом садов встречаем мы и в стихотворении 1830 года «В начале жизни школу помню я», в котором он говорит как раз о своем восхищении: «все кумиры сада на душу мне свою бросали тень». Напомню, что в первоначальном наброске этого стихотворения сад и школа соединены еще отчетливее. Набросок начинается строкой: «Тенистый сад и школу помню я». Тем самым уже в зрелые годы Пушкин сохранил то отношение к Лицею, которое воплотилось у него в лицейских стихотворениях, где подчеркнут дух свободы и свободной природы.

Образы «садов Лицея» глубоко пронизывают собой всю лицейскую лирику Пушкина. Здесь и «брега спокойных вод» («Послание к Галичу»), «темный берег сонных вод» («Мое завещание друзьям»), «ложе маков и лилий» (там же), «злачны нивы», «ручеек игривый», «под кровом лип душистым» («К Наташе»), «среди темной рощицы, под тенью лип душистых» («Леда»), журчание ручьев, дремлющие воды, зеленые склоны холмов и т. д.

Понимание Пушкиным «садов Лицея» как садов свободы, вольности и наслаждения, тишины, отчасти воспитанное новыми идеями английских либералов, было характерно не только для Пушкина. Дельвиг в 1817 г. обращался к своим лицейским друзьям с такими стихами:

*Я редко пел, но весело, друзья!
Моя душа свободно разливалась.
О Царскосельский сад, тебя ль забуду я?
Твоей красой волшебной оживлялась
Проказница фантазия моя,
И со струной струна перекликалась,
В согласный звон сливаясь под рукой,—
И вы, друзья, любили голос мой.*

В эпоху романтизма было принято наполнять сад различного рода личными воспоминаниями и памятниками. В памятных местах возлагались цветы, клались какие-либо сувениры, на ветки деревьев вешались венки, ленты, свирели и пр. Аналогичное украшение деревьев упоминается в стихотворении Пушкина «Другу стихотворцу»: «Зубчатый меч висел на ветви мрачной ивы» (1814).

Из скульптур и памятников Царского Пушкин откликается главным образом на исторические — памятники русским победам. Отчасти это объясняется тем, что Павел I увез из Царского большинство мифологических

Государственный
музей
А. С. Пушкина
в Москве.

статуй, и сады Лицея вообще были ими сравнительно небогаты во времена Пушкина. Памятники русским победам — это другая, очень важная сторона чувствительности Царского. Их, например, было в Царском немало.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что памятники русским победам изображаются Пушкиным в «Воспоминаниях в Царском Селе» в оссиановском духе.

«Воспоминания» начинаются с картины столь характерной для Оссиана ночи:

*Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес...*

И далее идут образы, типичные для Оссиана:

*С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой.*

Чесменский памятник

*...окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалою
.....
Кругом подножия, шума, валь седые
В блестящей пене улеглись.*

О кагульском обелиске говорится:

*В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.*

Сосны реально окружали когда-то кагульский обелиск, но эпитет «угрюмые» подчеркивает их характерность для оссианического пейзажа.

Характерно также заканчиваются стихи «Воспоминания в Царском Селе». В. А. Жуковский назван в них «скальдом», и это не оставляет сомнений в том, что многочисленные оссианические образы и мотивы «Воспоминаний» употреблены вполне сознательно:

*О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратный грозный строй,
В кругу товарищей, с душой воспламенной,
Греми на арфе золотой!
И снова стройный глас героям в честь
прольется,
И струны гордые посыплют огонь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.*

Несмотря на наличие памятников русским победам, «садом пышности» Голландский сад перед Екатерининским дворцом никогда не был, но совмещение архитектурного стиля с пейзажным в «садах Лицея» происходило во времена Пушкина тем легче, что деревья в Голландском саду уже достаточно разрослись. Совмещение обоих стилей отнюдь не уменьшало силу воздействия «садов Лицея» на поэзию Пушкина, особенно в его лицейских стихах.

— И если подвести итог, то чему же научили Пушкина царское-сельские парки и чему они учат нас сейчас, как должны мы, люди, живущие в конце XX века, относиться к этим замечательным памятникам?

Д. Лихачев: Царское-сельские сады научили Пушкина сладости воспоминаний, связали по-

эзию Пушкина с постоянными реминисценциями прошлого и научили его ценить вольность.

Воспоминания рождала в нем не только пейзажная часть Екатерининского парка, но и Старый (Голландский) сад с его удивительной гармонией регулярности и свободы, начал, идущих от человека и от природы. В пейзажной части парка были, по преимуществу, героические памятники, памятники военной славы России, в Старом же саду — античные символические и аллегорические фигуры:

*Все — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры...*

В 1829 г. Пушкин писал:

*Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сяду прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой...*

Царское-сельский парк был парком воспоминаний и, как указывает И. Ф. Анненский в своем замечательном очерке «Пушкин и Царское Село», тема воспоминаний стала ведущей темой поэзии Пушкина: «...именно в Царском Селе, в этом парке «воспоминаний», по преимуществу, в душе Пушкина должна была впервые развиться наклонность к поэтической форме воспоминаний, а Пушкин и позже всегда особенно любил этот душевный настрой», вызываемый «сумраком священным» тенистых деревьев.

Прекрасно сказала Анна Ахматова о Пушкине и царское-сельских садах:

*Смуглый отрок бродил по аллеям
У озерных глухих берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышимый шелест шагов.
Иглы сосен гулко и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.*

В пушкинских парках надо хранить эстетический идеал молодого Пушкина и живую память о нем.

Подумайте, Пушкин, женившись, поехал именно в Царское Село. Он хотел поделиться с Натальей Николаевной своими отроческими и детскими воспоминаниями, побродить с ней вместе у озерных берегов, это очень хорошо уловила Ахматова, именно у озерных берегов пейзажных парков. Эстетика пейзажных парков пронизывает поэзию Пушкина. Пушкин был связан не с регулярными парками, а именно с пейзажными, и все даже маленькие отрывки стихотворений Пушкина, посвященные парку, все они связаны с теми или иными пейзажными мотивами.

— Природа царское-сельских парков и пейзаж Михайловского, как они, казалось бы, столь различные сосуществуют в поэзии Пушкина?

Д. Лихачев: Пушкин сознательно открыл природу в царское-сельских парках, а затем перешел в русскую деревню. Простой русский пейзаж Пушкин знал еще в раннем детстве, в Захарове, но сознательное открытие русской

природы произошло в Михайловском и Тригорском. Вот почему они святы для каждого русского человека.

Природа Святых Гор (теперь Пушкинских Гор) служит как бы комментарием к многим стихам Пушкина, к отдельным главам «Евгения Онегина», освящена встречами здесь с его друзьями, с Ариной Родионовной, с крестьянами. Воспоминания о Пушкине живут здесь в каждом уголке. Пушкин и природа здешних мест в дружном единстве творили здесь новую поэзию, новое отношение к миру, к человеку! Храпить природу Михайловского и Тригорского мы должны со всеми деревьями, лесами, озерами и рекой Соростью с особым вниманием, ибо здесь, повторно, совершилось поэтическое открытие русской природы.

Пушкин, идя от природы России, постепенно открыл для себя русскую действительность.

Изменить что-либо в Михайловском и Тригорском, да и вообще в пушкинских местах бывшей Псковской губернии нельзя, так же как и во всяком дорогом нашему сердцу памятном месте. Даже и драгоценная оправа здесь не годится, так как пушкинские места — это только центр той обширной части русской природы, которую зовем Россией.

— Дмитрий Сергеевич, мы говорили о местах, связанных с Пушкиным в Ленинграде и его пригородах, на Псковской земле. Хотелось бы услышать ваше мнение о Москве, как здесь берегут память о великом поэте?

Д. Лихачев: Одним из значительных событий культурной жизни стало открытие мемориального музея Пушкина на Арбате. Мы давно мечтали о нем. Этот музей создавался долго и трудно, и вот, наконец, он открыт. Это замечательный подарок всем любящим русскую литературу, русскую культуру. Теперь, видимо, надо думать о создании музея или концертного зала Государственного музея А. С. Пушкина в церкви Большого Вознесения, где венчался поэт. Для этого здание следует не откладывая освободить от арендуемого его учреждения и передать московскому музею поэта. Говоря о пушкинской Москве, я не могу не сказать о человеке, который много сил отдал созданию мемориальной квартиры Пушкина на Арбате. Это Марк Михайлович Баринов. Его готовил себе на смену А. З. Крейн. М. Баринов работал, к сожалению, очень недолго директором Государственного музея А. С. Пушкина и всего себя отдавал служению памяти поэта. Писатель, журналист, моряк, он пришел к Пушкину уже в зрелом возрасте, и любовь его к русскому гению была действенной. В свое время именно с Марком Михайловичем делился я идеей создания в Москве «Пушкинского парка». Действительно, есть в Москве в пределах Бульварного кольца в буквальном смысле Пушкинский район. Определяется он не административными границами, а духовным содержанием. И рождается идея «Пушкинского парка», состоящего из нынешних бульваров, скверов в арбатских и кропоткинских переулках, ведущая нас к другому зеленому массиву в центре столицы — к парку имени Горького.

Что же это такое — «Пушкинский парк»? Прежде всего это будущее, недалекое будущее, которое мы должны создать для того,

чтобы получить своеобразное Михайловское в Москве.

Человеку в наше время, как никогда, важно периодически, не от случая к случаю, переклюнуться на тишину, на природу и на высокие размышления. Это не доброе пожелание, это объективная необходимость, условие, при котором мы сумеем создать нравственное здоровье, активное, психически устойчивое общество коммунистического будущего.

Образ сада, Эдема, образ места уединения от суеты жизни всегда, во все времена был желанным. Сейчас такой сад жизненно необходим, его надо смело вводить в самые сердцевинные части современных городов, особенно современных сверхгородов.

Такой парк, непременно имеющий длительные пешеходные маршруты (обязательно для прогулок, а не садик для сидения на скамейках!), будет способен привлекать людей из квартир, чтобы они сменили бездумное «расслабление» у телеэкрана на зеленую тишину, прогулки, размышления.

Для создания «Пушкинского парка» практически надо совсем немного: не сносить жилые кварталы, не перепланировать проспекты, не вести сложные строительные работы.

Создание парка я вижу в выполнении нескольких принципов.

Первый — тщательные работы садоводов-специалистов над превращением бульваров Тверского, Суворовского, Гоголевского в романтические парки.

Второй — создание непрерывного «зеленого» пешеходного маршрута от памятника Пушкину до пушкинского музея на Кропоткинской улице.

Третий — переулки Арбата должны быть «зоной зелени и тишины» «Пушкинского парка». После уничтожения старых, малоценных построек здесь осталось много пустырей. Следует их тщательно засадить деревьями и кустарниками, составляющими фрагменты большого парка. Переулки должны стать, безусловно, пешеходными.

И наконец, четвертый принцип организации «Пушкинского парка» заключается в том, что все работники культуры, и в первую очередь сотрудники Государственного музея А. С. Пушкина, должны принять участие в создании парка, сделав все памятные места (ведь здесь не только пушкинские — здесь и дом Гоголя, и дом Аксаковых, и дом Герцена, и дом Блока) органическими, необходимыми составными частями этой основной зоны духовной тишины. Все, о чем я говорю, в конце концов и не ново. Ведь были в свое время старые парки, в которых такими «опорами духа» были античные статуи, фонтаны, гроты, искусственные руины. В нашем обществе свободных людей, свободного духа иные символы, иные святыни. И потому я убежден, что «Пушкинский парк» будет. Дело только за тем, чтобы идея созрела в душах...

В создании «Пушкинского парка» или Пушкинской зоны не надо заниматься только украшательством, ставить, например, огромные фонари — нелепо, посреди улицы, и не надо превращать парковую зону в место бойкой торговли: только антикварные, книжные и букинистические магазины, сувенирные лавки, кафе для встреч и никакой шумной музыки.

Будущее живет в делах и планах сегодняшнего дня. Скоро великая годовщина — двухсотлетие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Пусть же нашим подарком любимому поэту и себе, детям и внукам, потомкам нашим будет «Пушкинский парк» в столице.

— Одно из Ваших выступлений называлось «Пушкин и мы». Что вы вкладываете в это понятие? Почему вы считаете, что тема «Пушкин и мы» бессмертна, а процесс расширения знаний о Пушкине, любви к нему безграничен?

Д. Лихачев: Пушкин — это лучшее, что есть в каждом из нас. Это доброта и талант, смелость и простота, демократичность и жизненность, верность в дружбе и бескрайность в любви, уважение к труду и к людям труда... И еще мы нежно любим и постоянно оплакиваем Пушкина потому, что он погиб за свои убеждения, за честь, за любовь. Погиб в бою, с оружием в руках.

Говоря про честь, я в первую очередь имею в виду бой за честь поэта, ибо не может ни уважать себя, ни жить, ни быть уважаемым и любимым читателями поэт с замазанной честью. Этот закон в полной мере действует и сегодня. Не будут ни уважать, ни любить поэта, как бы хорошо он ни писал, если он марает свою честь корыстолюбием, низкопоклонством или иными бесчестными качествами.

Я думаю о Бородине, о героях 1812 года. Современники Пушкина, многие из них — его близкие друзья. И в то же время никому из нас не придет на ум считать Багратиона и Кутузова, Раевского и Ермолова, Дениса Давыдова и Надежду Дурову своими современниками. Они наша славная, величавая, героическая, прекрасная история.

А Пушкин — нет! Он наш, сегодняшний, современный. Это не столько можно объяснить, сколько понять душой, всем существом своим. Однако хочу попытаться выразить, высказать это словами. Вся короткая жизнь Пушкина известна нам с детства не только по школьному курсу, по биографическим книгам — главным образом по его собственным произведениям.

Думаю, что тайна безмерного обаяния Пушкина в том, что он в каждое мгновение жизни, в каждой ее песчинке видел, ощущал, переживал огромный, вечный, вселенский смысл. И потому он не просто любил жизнь во всех ее проявлениях, жизнь была для него величайшим таинством, величайшим действием. И потому он был велик во всем: и в своих надеждах, и в своих заблуждениях, и в своих победах, и в своей любви к людям, к природе, в любви к Родине, к ее истории, к ее будущему.

Даже самые закоренелые циники, самые отвязанные мещане и обыватели, самые легкомысленные вертопрахи ближе или глубже в душе своей сознают — или всегда, или со временем — свою ничтожность.

А все простые хорошие люди на планете или знают, или догадываются, или смутно ощущают, что жизнь вокруг нас и в каждом из нас есть величайшая тайна, требующая серьезного, глубокого отношения, полной отдачи, и что жизнь за это дарит нам ощущение счастья, гармонии, полноты существования.

В конечном счете это и есть идеал каждого из нас. И в Пушкине этот идеал был воплощен в полной мере. Потому он и есть наш идеал, вечно живой, вечно с нами. Николай Васильевич Гоголь, поклонник, ученик, друг Пушкина, сказал о нем, пожалуй, самые точные слова: «Пушкин есть явление чрезвычайное, и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

Это философская сторона вопроса. А бытовое ее воплощение оказывает на нас, людей восьмидесятых годов XX века, не меньшее, если не большее воздействие.

Мы уважаем труд, знаем цену труду, ценим людей по их труду. Пушкин был первым профессиональным литератором России, он жил своим трудом, боролся против произвола издателей, добивался достойной оплаты за труд поэтов, писателей, драматургов.

Он был верным другом и добрым товарищем.

Он не боялся царей и презирал карьеристов-вельмож.

Он был другом декабристов, их учеником и их учителем.

Он был нежным, заботливым мужем, заботился о чести и покое жены до последней минуты жизни.

Наконец, он был просто здоровым, нормальным, веселым, смелым и сильным человеком.

И все эти простые, земные, общечеловеческие превосходные качества никогда не будут забыты, всегда будут залогом его бессмертия в наших сердцах.

Много пишут о Пушкине — величайшем поэте, гении. Но народ любит гениев, простых в своем величии и великих в своей простоте. И потому я подчеркиваю здесь именно простые, общечеловеческие черты в образе Пушкина.

Размышляя о Пушкине, люди невольно сравнивают себя с ним. А сделал ли бы и я так? А поступил бы так же? А что я думаю об этом?

Это очень полезные размышления и очень важные. Они способствуют пробуждению в наших душах и умах самых лучших, самых высоко нравственных мыслей и устремлений.

В конечном счете это и есть самовоспитание добром и красотой человеческой души.

И в заключение нашей беседы я хочу напомнить слова Гоголя, который гениально сказал об Александре Сергеевиче Пушкине: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным, это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в той же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».